

Одна из лучших актерских работ текущего театрального сезона — роль Ивана Коломийцева, сыгранная Олегом Табаковым на сцене своего театра-студии в спектакле «Последние» по пьесе Горького в постановке А. Шапирова.

Последние — это семья отставного полицеймейстера, связанная духовными и кровными узами исключительно с миром станковых, приставов, исправников, тюремных врачей и околочных надзирателей. Герой Табакова — вечно возбужденный, шумный, одновременно жалкий и страшный, порой гадкий до омерзения... Животный страх за собственную жизнь, судорожные попытки вернуть былые благополучие, ненависть к иным, не похожим на него самого людям и полное одиночество в семье — таков итог существования Ивана Коломийцева. Итог, понятный нам сегодня, как никогда, и оттого особенно горький.

— Олег Павлович, интерес к драматургии Горького проявился в последнее время сразу несколько московских театров. На ваш взгляд, это явление неслучайное?

— Для нас — неслучайное, абсолютно точно. Я всегда исхожу из слов Немемировича-Данченко: «Театр должен ставить современную драматургию». Хороших современных пьес, в буквальном смысле, не слишком много. Приходится искать в классике нечто совпадающее с быстротекущим днем сегодняшним. Ведь на то она и классика, чтобы объяснять нам нас же самих.

— Современность можно уловить у Эсхила, Мольера, Чехова... Горький — не самая чтимая у нас сегодня фигура.

— Я думаю, спешат наши переписчики истории со своими потугами ниспровергнуть одних гениев и провозгласить новых — на очередном квартале. Алексей Максимович Горький равноправно стоит в ряду крупнейших драматургов. Для меня лично нет в этом никаких сомнений. Другое дело, что не весь Горький сегодня интересен. Отчего как-то не складывается в целое, распадается на части пьеса «На дне»? Мне кажется, там много напутано. В частности, по поводу унижения человека жалостью. Кто-то написал стихи, начинавшиеся строчкой: «Человек — это звучит гордо». А рифмовалось: «Мне били морду». Все не так просто.

— Герои Горького тоже с фанатичным упорством доискиваются правды, однако счастливей от этого не становятся. Вам не кажется, что правда Горького чересчур мрачна и гнетуща, чтобы быть нам полезной?

— В августе мне исполнится шестьдесят лет. Сорок из них я занимаюсь своей профессией. И тогда, в начале жизни, и теперь я считал и продолжаю считать театр одним из самых сильнодействующих средств против угрозы нашего оскотинивания. Радовать зрителя можно и нужно талантливой иг-

чтобы добиваться успеха, надо всякий раз делать себе хакари.

— За последние несколько лет среди столичных театров произошла явная смена лидеров. На глазах скучнеют многие центральные и академические, зато быстро завоевывают не только зрительское, но и официальное признание бывшие «неформалы». Ваш театр-студия — один из основных фаворитов сегодняшней театральной Москвы. В чем секрет такого успеха?

тать свои работы последней истиной в актерской профессии.

— Но атмосфера театра-студии неизбежно должна измениться с появлением в его труппе «звезд»...

— Да у нас и нет никакой студии. Мы уберем это слово из нашего названия. Студийность подразумевает демократические формы управления. А я считаю, что демократия в театре — вещь глубоко порочная и аморальная. Актеров надо холить, лелеять, ба-

Известия - 1995 - 31 мая - с. 7

Олег Табаков:

Актеров надо баловать, но к власти подпускать нельзя

рой, а не шадящей ложью.

— Судя по вашей жесткой интонации, вы относитесь к людям вокруг достаточно строго, без сантиментов. Тем интереснее, вызывают ли у вас сочувствие те герои, которые сами на него неспособны?

— Я записываю сейчас на радио «Господ Головлевых» Салтыкова-Щедрина. Страшная вещь, просто кошмарная. Ну есть ли в русской литературе персонаж отвратительнее, чем Иудушка Головлев? А ведь даже его к финалу начинаешь жалеть и о его смерти скорбишь. Потому что — нелюбимый, недолюбленный, не наученный любить...

— Вашей игре в принципе несвойственны полутон, но Ивана Коломийцева вы играете на грани физиологизма. Вам нравится шокировать зрителя?

— Мне нравится, когда сложный, некомфортный спектакль «достает» публику. Жалобы актеров и режиссеров на индифферентность современного зрителя, по-моему, чушь собачья. Это мы позволяем себе выходить на сцену с холодными носами, потому что так проще. Я никогда никому не расскажу, какими способами достигаю нужного мне сценического самочувствия. Такова особенность русской театральной школы:

— Секретов особых нет. Мы шли к этому довольно долго. Собственно, все началось в 1974 году, когда я, будучи преуспевающим актером, взялся обучать нашему ремеслу молодых людей. Человек я честолюбивый, и если за что-то берусь, то, как правило, доведу дело до определенного результата. Педагогика отнимает массу времени. Я не попал в силу цейтнота в целый ряд фильмов — к Михалкову, Балабану, Митте... Но перечислите мне двадцать самых известных наших актеров в возрасте до сорока лет, и как минимум половина из них окажется моими учениками. Я вовсе не энтузиаст. Я трезвый, расчетливый практик, даже прагматик. Я обучал их для себя. Для того, чтобы потом с ними играть.

— Ни из одного театра не вышло в последнее время столько молодых «звезд», как из вашего. Достаточно назвать Евгения Миронова, Владимира Машкова, Ефремова, Владимира Машкова. Вы приложили к этому свою руку?

— Я приложил к этому руку, оснащая их технически в процессе обучения и совместной работы. И никак иначе. Я очень хорошо отношусь к появлению у нас собственных «звезд». Важно только, чтобы у них хватило ума оставаться недовольными собой и не счи-

ловать, но к власти их подпускать нельзя.

— Что в таком случае дает вам моральное право руководить театром?

— У меня, если вдуматься, довольно редкий случай. Я пережил — и не однажды — успех своих учеников и не утратил способности радоваться. К тому же на жизнь я зарабатываю не здесь. Так что у меня нет необходимости в собственной канонизации. Я останусь в этом театре ровно столько, сколько буду в состоянии привносить сюда нечто новое. Меня есть кому заменить. Уже даже не секрет, что, скорее всего, это будет Володя Машков.

— В афише спектакля «Ужин», где вы с Арменом Джигарханяном играете Талейрана и Фуше, ваша фамилия указана также и в качестве продюсера. «Добывать деньги» — это еще один ваш талант?

— Я не хочу притворяться, будто мне это претит. Считаю подобные разговоры лицемерием и ханжеством. Все мы охотно считаем собственные деньги и при этом не морщимся. Я же принимаю на себя еще и обязанность считать деньги для конкретного спектакля. Люблю я этим заниматься? Нет, но должен, если хочу, чтобы спектакль родился. Мое участие как

продюсера может обеспечить финансирование того или иного проекта. Сейчас деньги предпочитают давать определенному лицу, просто на основании доверия. И вообще, коли уж ты взялся руководить людьми, изволь хотя бы избавить их от нищеты.

— Олег Павлович, были ли в вашей, внешне блестящей и безоблачной творческой жизни потери, о которых вы сожалеете до сих пор?

— Да, конечно. Например, два страшно обидных срыва, случившихся практически одновременно. В 1967 году пригласили в Лондон сыграть Сергея Есенина в спектакле «Айседора». Был подписан контракт на сорок тысяч фунтов. Главное, я мог бы стать одним из первых русских актеров, вышедших на европейскую сцену. Но в это время во МХАТе закрывали спектакль Олега Ефремова «Большевики» по пьесе Михаила Шатрова. Советская власть никак не хотела принимать такой подарок к своему 50-летию... Роль у меня в «Большевиках» была незначительная, но я, конечно, никуда не поехал. Немыслимо было предать дело и театр, в котором у меня, правда, и в то время уже не было единомышленников... Ровно через год я пережил, наверное, свой самый большой театральный успех, играя

в Праге роль Хлестакова. Опять-таки было запланировано кругосветное турне. А в августе 1968 года в Прагу вошли наши танки...

— Тем не менее никакие досадные препоны не помешали вам стать тем, кем вы стали. Крупнейший актер, руководитель театра, ректор Школы-студии МХАТа, безусловный авторитет для театральной молодежи, причем не только российской. А кто представляет авторитет для самого Табакова?

— Те, чье творчество вызывает у меня сильные эмоции, заставляет радоваться и плакать. Что касается моей собственной авторитетности, то она отнюдь не кажется мне безусловной. Формальная власть ни в театре, ни в школе сама по себе уважения прибавить не может. Наше общество в целом переживает сейчас драму «Последних»: молодежь не доверяет старшим. И справедливо не доверяет, ее перекормили ложью в свое время. Но это страшная ситуация. Потому что именно так рвется пресловутая «связь времен», преемственность поколений, в том числе и в творчестве. Я с моей провинциальной хитростью когда-то понял одно: ни в коем случае нельзя врать своим ученикам. Иначе все, что ты знаешь и умеешь, уйдет вместе с тобой. А я, как вам уже известно, честолюбив и хотел бы оставить на земле заметный след...

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.

На снимке: Олег Табаков в роли Талейрана в спектакле «Ужин».

Фото Алексея БЕЛЯНЧЕВА.